

12.11.2009

“Для чего человеку душа”

Первую книжечку его стихов я купил на улице. Кажется, за червонец. И, кажется, у него самого - мы тогда еще не были знакомы, стихов его я тоже не знал. Но, отойдя в сторону, я сравнил круглолицее изображение на обложке в восточной (буддистской?) шапочке на затылке с лицом того, у кого взял книжку из стопки, разложенной на лавочке, - мне кажется это был Руслан. Но, наверное, не похожий на себя самого на фотографии, как не похож герой лирического стихотворения, написанного от “Я” - первого лица, на автора этого стихотворения.

Стихи (зачем покупал эту книжечку - не знаю: может, привлекла какая-то пьяная, точнее, так знакомая всем в предвкушении пьянки веселость в лице, словах) не то что удивили - неточно, они ожгли. Это как в упомянутом им в “Сельском дзене” Судзуки (“Я и Судзуки, пиала с пахучим настоем, Котенок, глядящий на бабочку...”), где в ответ на вопрос Ученика: “Что такое дзен?” - Учитель молча бьет тому по морде наотмашь ладонью. Ожог... От непосредственного соприкосновения с жизнью.

Причем, как мне показалось, ожог, который получил автор стихов, был куда сильнее моего. Тут понятно: если верить дзену, между тобой и жизнью не должно быть слов. Поэзия вообще стремится к немоте. “Что истина? Проста и невербальна. А ветер носит дух недалней бани, И в воздухе висит ответ...” Я пробую губами упругий лаконизм его строк: простые мысли в простых предложениях: “Во всем есть бог поэзии: в затяжке дешевой сигареты по утрам, после двух чашек, в тапочках Наташки, в дровах, лежащих на траве двора...” Ничего вроде особенного - сор жизни в изобилии, годный стать стройматериалом для стихов или остаться сором. У Руслана он преобразуется, простите за банальность, в поэзию.

Правда, тогда “будни рифмой гармонировать” ему не слишком, как показалось, удавалось: “Город-сад без буквы эС. Город-бездна, город-бес, Где кормильцы стариков - Грядки мусорных бачков...” И так далее. Температура высказывания вроде высока, но жжет по-газетному - на десять минут. Потому что здесь - слова между человеком и его болью. Сегодня между ним и предметом его поэзии - жизнью как есть - зазора (засора?!) практически нет. Он стал, наверное, мудрее или философичнее, может быть, впрочем, по сути, оставаясь самим собой - Русланом Сидоровым, автором бессмертной в своей уникальности автоэпиграммы: “Он сумел бы стихи слагать, Не отлично жить - хорошо, Если б не был пьяным Пегас Под наездником-алкашом...” Я-то знаю этих авторов: все они - красавцы, все они - поэты, все они хотят “почить в позу”. Руслан всего этого чужд - он продолжает жить отлично: “Быть легким - легко, поэтому я летаю...”

Руслан Сидоров

Сирень сизокрыла, и семь голубей -
Как крупные гроздь под ней понарошку,
Щекотно клевали от булочки крошки
С ладони моей и ладошки твоей -
С той розовой, ласковой, узкой ладошки,
Которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья - достаточно долго,
Особенно если живешь снова.
Тебе было только шестнадцать тогда.
Недетская женственность, опытность крови.

И ночь, разметавши, срывала покровы,
И снова взрывалась сверхновой звезда.
Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь,
Лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
Бракованных лет, обрученных слезой.
Сирень сизокрыла, и семь голубей
Щекотно склевали от булочки крошки,
И плыли по лету в плену тополей
В ладони - ладонь.
Нет - в ладони ладошка.

Голые стены квартиры.
Окурки. Белая тара.
Пыль на полу. В сортире -
Сломанная гитара.
Похмелье. Хрипы из крана.
Хочется сжечь будильник.
На черно-белом экране
Улица Пикадилли.
В пол-лица гематома.
В желудке почуяв жженье,
Прокашливаясь со стоном,
Пачкаешь губы желчью.
Это все так знакомо
Тем, кто знакомы с горем,
В коме живущим, с комом,
Прочно застрявшим в горле.

Жилище - это место, где живем,
Но принято считать - мы им владеем.
Хоть настоящий дом - походный дом,
Как скиния библейских иудеев.
Оседлость и оседланность близки.
Преумноженье скарба множит скорби.
И вот уже движенье не с руки.
И не с ноги. Коль ноги стали корни.
Любовь - дитя свободы от любви
К стабильности и статике душевной.
Гнезда в походе на ходу не свить,
Но сказано: возможен в шалаше рай.
И ничего здесь нету твоего,
И все твое в тебе - а это много.
Дорога к храму? Нет. Сама Дорога -
Есть Храм Свободы жизни кочевой.
А что мне Бог? А все и ничего.
Номады не взыскуют имя Бога.
Не именуя, помнят про Него.

Город - фундамент кости ЗэКа,
Воздух отравлен и та река
Как апокалипсиса строка.

А раньше Аба была глубока,
Плыли в зеркальной воде облака.
Топил поплавок пескарь.
И воздух у речки, настоенный на
Траве зверобое, тимьяне... Вина
Пьянее был, - но не достался нам.

Я устал, но уже отработал.
В куст сирени себя притащу,
посижу - абсолютно свободный, -
я холодного пива хочу.
Открываю и пью; над скамейкой,
надо мной помавает сирень.
Симпатичное время и место:
полвосьмого, скамейка (тире)
наблюдательный пункт жизнелюба;
в небесах проплывает верблюд,
за спиною - цветочная клумба,
предо мною - гуляющий люд.
Наблюдаю сквозь сеточку веток
да глотаю златой антидот.
Вот нимфетка за щечку конфетку -
чупа-чупс - сладкострастно кладет.
Вот какой-то азиец из средних,
вот старушка с авоськой пустых.
Все под солнцем, и всех оно греет.
Справа-сзади вздыхают кусты.
Утирая испарину, к дому
направляю расслабленный шаг;
до прихода мне нужно додумать -
для чего человеку душа.

Рубрика: Культура
Количество показов: 707
Тема: Новые стихи
Автор: Валерий Немиров